

статика и гидростатика. М.: Унив. тип., 1837. (В дальнейшем: Брашман Н. ТР). С. 1—2.

¹⁰ Брашман Н. КАГ. С. 2.

¹¹ Там же. С. 1: «Понятие о пространстве есть понятие первоначальное, т. е. одно из тех, которые служат основанием всем нашим познаниям о природе».

¹² Брашман Н. КАГ. С. 1—2.

¹³ Брашман Н. Д. О влиянии математических наук на развитие умственных способностей. М.: Унив. тип., 1841. С. 6.

¹⁴ Брашман Н. ТР. С. 2.

¹⁵ Брашман Н. КАГ. С. 2.

¹⁶ Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки/Пер. Вл. Соловьева. М., 1905. С. 64 (В дальнейшем: Кант И. Прол.).

¹⁷ Брашман Н. КАГ. С. 2.

¹⁸ Лихолетов и Яновская. Указ соч. С. 336—337.

¹⁹ Брашман Н. КАГ. С. 3—4.

²⁰ Кант И. КЧР. С. 52—53.

²¹ Брашман Н. ТР. С. 4.

²² Брашман Н. КАГ. С. 1: «Определить пространство невозможно»

²³ Кант И. КЧР. С. 138.

²⁴ Кант И. Прол. С. 69—70.

²⁵ Брашман Н. ТР. С. 1—2.

²⁶ Кант И. КЧР. С. 62.

²⁷ Цингер В. Я. Точные науки и позитивизм: Отчет и речи, произнесенные в торжественном собрании Имп. Моск. ун-та 12 января 1874 г. М.: Унив. тип., 1874.

КАНТ И МИРОВАЯ ФИЛОСОФИЯ

ХОУК РОБИНСОН

(Университет Мемфиса, США)

Кант в Новом Свете

С опубликованием кантовской «Критики чистого разума» в 1781 г. здесь, в Кенигсберге, в философии открылся, как знает каждый, Новый Свет. Поворот к субъекту как к мере объективности имел те следствия, которые не только выявили два прошлых столетия так называемого «модернизма» как простую предысторию, но и сделали средневековье и античность временем, предшествующим предыстории введенной Кантом трансцендентальной философии.

Наш мировой мудрец, как тогда говорили, был одновременно и путеказателем к новому духовному Свету, наследниками которого мы являемся и сегодня.

Но есть еще и другой смысл «Нового Света», а именно смысл западного полушария, которое хотя и было открыто и частично заселено европейцами за два столетия (или даже за семь, как предполагал сам Кант¹) до рождения Канта, однако европейское население которого лишь к концу XVIII века начало достигать совершеннолетия независимых Штатов. В Централь-

ной Европе были слишком заняты близлежащими проблемами, чтобы уделять еще особое внимание событиям в Северной Америке; однако и в Кенигсберге знали кое-что об Америке, о ее физических особенностях, ее коренных жителях и о разногласиях колонистов европейского происхождения с метрополией.

Сегодня, когда интеллектуальное достояние «кенигсбергского мирового мудреца» давно стало достоянием всего ученого мира (включая и «Новый») и когда в нынешнем (1995) году международный Кантовский конгресс соберет именно в Америку исследователей со всех уголков мира, особенно уместно здесь, в городе рождения Канта — Калининграде, бывшем Кенигсберге, — спросить: что знал и что полагал Кант о Новом Свете — Америке, и что знала и что полагала Америка о Канте?

В ранних кантовских работах Америка упоминается очень редко, и то главным образом в связи с географическими событиями и фактами — такими, как приливы и отливы², землетрясения³ или ветры⁴. Позднее упоминаются и живущие там люди, и если словом «американцы» Кант, вероятно, хотел обозначить коренных жителей, то некоторые из его соответствующих высказываний очень близки распространенной сегодня в Старом Свете точке зрения на американцев европейского происхождения. Тот, кто — оправданно или неоправданно — рассматривает среднего американца как легковверного и любящего праздность субъекта (как карикатурный образ Дональда Дака), находит раннее выражение этой точки зрения у Канта: «Все американцы верят, что эти обезьяны [павианы] могут говорить, когда захотят, но не говорят только потому, чтобы их не заставили работать»⁵. Студенты 60-х годов (а также некоторые и 90-х) видят подтверждение своих предрассудков об американцах у старого Канта: по их мнению, принцип радикального зла в природе человека не требует доказательств, поскольку находится достаточно примеров «никогда не прекращающейся», «неспровоцированной жестокости» среди определенных американцев, «где даже ни один человек не имеет от этого ни малейшей выгоды», которая не имеет «никакого иного намерения, как только простое убийство». (Здесь вспоминаются популярные фильмы, не только карикатурные, комические, но и «Рэмбо» и т. п.). И тот, кто находит американцев хотя и интеллигентными, но бескультурными, считает, что Кант выражается только метафорически, когда говорит: «[В Вирджинии] растет даже дикий виноград, но из него еще не получалось хорошее вино»⁶.

И напротив, у нас есть свидетельство об участливом отношении Канта к, по его мнению, справедливому делу американских колонистов против английской метрополии. Эту историю можно найти в написанной современником философа Рейнольдом Бергардом Яхманном биографии Канта, и история эта во многих отношениях небезынтересна: «Во время англо-североамериканской войны Кант гулял однажды после обеда в Денхофском

саду и остановился перед беседкой, где заметил одного своего знакомого в обществе не известных ему господ. Он вступил со своим знакомым в разговор, к которому вскоре присоединились и остальные. Через какое-то время их беседа перекинулась на это примечательное историческое событие. Кант взял сторону американцев; горячо отстаивал их справедливое дело и с некоторым сожалением позволил себе отозваться о поведении англичан. Сразу же из окружения, кипя от ярости, выскакивает некий господин, подступает к Канту, говорит, что он англичанин, объявляет себя самого и всю свою нацию глубоко оскорбленными этими его высказываниями и в величайшей запальчивости требует удовлетворения в кровавом поединке. Кант, ничуть не поддавшись на гнев этого господина и сохранив самообладание, продолжил разговор, начав излагать свои политические принципы, мнения и ту точку зрения, придерживаясь которой всякий человек как гражданин мира без какого-либо ущерба для собственного патриотизма может оценивать эти мировые события, с таким захватывающим красноречием, что Грин — а именно им был тот англичанин, — преисполненный удивления, дружески протянул ему руку, соглашаясь с высокими идеями Канта, попросил прощения за свою горячность; проводил его вечером до его квартиры и пригласил Канта нанести ему дружественный визит»⁷.

Похоже, эту историю Яхманн услышал из вторых уст, а именно от делового партнера (компаньона) Грина — Мотерби, тоже англичанина; и она не вовсе не точна, поскольку, согласно Яхманну, дружба Канта с Грином началась именно в это время, т. е. в 1776 году, в то время как г-н Мальтер утверждает, что «дружба Канта с Грином, по достоверным сведениям, началась задолго до англо-американской войны»⁸. Возможно, дискуссия развернулась об английском Stamp Act (акт о гербовом сборе) от 1765—66 гг., вызвавшем большие волнения в колониях; возможно и то, что точка зрения Канта возмутила и кого-то другого (не Грина).

Как бы там ни было, трудно удержаться перед искушением нарисовать себе портрет Канта во время этой дуэли. По свидетельствам современников, Кант был «пяти футов ростом», то есть ниже 1,55 м, и очень тощим; его правое плечо было выше левого⁹. И хотя Кант носил шпагу, «когда на нее еще была мода в обществе»¹⁰, «но очень охотно отказался от нее, когда эти нравы миновали»¹¹. Для него шпага была не оружием в прямом понимании, а только данью моде. И в описании своей школы Кант называет уроки фехтования не уроками, а говорит просто: «движение»¹². То есть представить Канта сражающимся на дуэли мечом, шпагой или на эспадронах совершенно невозможно. Однако не легче приписать ему и выбор пистолетов — и стреляться с двадцати шагов; стрелять в другого человека он бы, конечно, не смог, даже в Эберхарда.

Но если из-за своего сочувствия американцам Кант готов был пойти на кровавый поединок, то что американцы думали о Канте? Говоря о времени войны за независимость, можно довольно уверенно утверждать: очень мало, поскольку они не знали о нем почти ничего. Основатели Северо-Американских Штатов хотя и были весьма образованны относительно своих современников и соотечественников, однако, несмотря на спор с Англией, они были образованны как англичане, а в своей основе это означает, что они знали традицию, исходившую от Джона Локка. Именно политические принципы Локка воспроизведены в американской Декларации о Независимости Томаса Джефферсона. Никакого прямого влияния идей Канта там не ощущается.

В последующие десятилетия и это наследие Просвещения постепенно утратило свое влияние и в основном сменилось другим движением — единственным, которое хоть как-то могло претендовать на внерелигиозное, философско-интеллектуальное содержание. По его названию можно было бы предположить, что это движение, по крайней мере, косвенно или скрытно базируется на кантовских принципах, поскольку его основатель — унитаристский священник и сын пастора Ральф Вальдо Эмерсон — в поисках еще более отдаленного от христианской религии, но однако же создающего видимость набожности мировоззрения назвал в 1836 г. свою школу «трансцендентализм». Но при всем желании в этих благонамеренных, однако смелых предположениях (я сдерживаю себя, чтобы не употребить слово «пустых») нельзя найти и тени от кантовской философии — по крайней мере, лишь тень от тени ее. Самое большое влияние на Эмерсона оказал, несомненно, английский поэт Самуэль Тейлор Колридж. Кантовские работы, по словам Колриджа, «одновременно и будили, и дисциплинировали мое сознание..., и оригинальность, глубина, ... — и как это ни покажется парадоксальным всем тем, кто имеет знание об Иммануиле Канте лишь со слов рецензентов и французов, — ясность и очевидность «Критики чистого разума» охватывали меня, как рука великана»¹³. Однако, надо сознаться, Колриджа следует причислять к ряду поэтов, а не философов, да и Эмерсон относится скорее к тем, чем к этим.

Но с течением времени философию в Новом Свете начинают читать не только для обретения мировоззрения или же для пробуждения поэтического вдохновения, но и просто для самих себя. Но чью философию? Когда узнаешь, что в 1859 г. в Сент-Луисе была создана философская дискуссионная группа с названием «Kant Club» и что ее основателем и духовным лидером был некто Брокмейер, прусский переселенец, то невольно начинаешь верить в то, что след Канта в Новом Свете наконец-то найден. Только Кант был не единственным прусским философом, а Брокмейер придерживался того мнения, что на почти все

основные вопросы философии уже было отвечено — а именно Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем! Чтобы убедить своего друга Уильяма Харриса, будущего представителя «персоналистического» варианта гегельянства, в своих взглядах, он и основал с Харрисом «Кант-Клуб» — но не потому, что они хотели изучать собственно мысли Канта, а только потому, что знание кантовских работ расчищало путь к пониманию истинности абсолютного идеализма. Гегель был Спасителем; Кант — только Иоанном-Крестителем.

В последующие десятилетия этот базирующийся на Гегеле персонализм дал начало различным другим направлениям: не только Харриса, но и в особенности Брауна (Brown) и Ховисона (Howison). В Англии в это время жили такие мыслители, как Брэдли (Bradley) и Босанкет (Bosanquet), считавшие себя гегельянами. Был один такой мыслитель и в Америке — Джошуа Ройс (Josiah Royce), относящийся уже к периоду «классической Американской философии».

Мыслителей, объединяемых под обозначением «Classical American Philosophy», можно перечислить, довольно быстро, это Джошуа Ройс, Чарльз Сандерс Пирс, Уильям Джемс, Джон Дьюи, Джордж Сантаяна и Альфред Уайтхэд. Что же общего имели эти мыслители, чтобы — и это оправдано традицией — обсуждать их вместе? Честно можно было бы сказать: очень мало. Многие, правда, признавали себя сторонниками разработанного и обозначенного Пирсом прагматизма, но прагматизм Пирса был не то же самое, что прагматизм Джемса или Дьюи: прагматисты так же мало составляли какую-нибудь «школу», как и неокантианцы. Кроме того, Ройс, как говорится, был скорее неогегельянцем, чем прагматистом. А Уайтхэд был процессуальным философом, имевшим больше общего с Бергсоном, чем с Джемсом и Дьюи; и кроме того, он был, точнее говоря, не американцем, а англичанином, сочинившим в Англии вместе с Расселом «Principia Mathematica» и лишь после своего обращения к процессуальной философии выехавшим в Америку.

Несмотря на различия, они имели одно общее: они были настоящими философами, оригинальными мыслителями. Вероятно, поэтому их и рассматривают вместе: нечто подобное Америка имела в первый раз.

В лице Ч. С. Пирса мы находим, наконец, такого американского мыслителя, который хотя бы вначале заслуживает быть названным кантианцем. «Когда я был философским сосунком-младенцем, — вспоминает он с фантазией преувеличенной метафоры, — мою бутылочку наполняли [молоком] из вымени Канта»¹⁴. Однако со временем в это молоко примешивались другие добавки, так что в конце этот прагматизм хотя и может рассматриваться как претерпевший влияние Канта, однако не заслуживает быть названным собственно «кантовским».

И хотя этот прагматизм составлял сильнейшее ядро амери-

канской философии, но и он был недостаточно сильным, чтобы затормозить потерю ее влияния. Когда несколько лет назад я начинал изучение философии в США, то тогда почти все философские семинары предлагали, по крайней мере раз в два года, по одной лекции об «Американской философии». Но в последние пять лет это заглавие исчезло из каталога моего университета, потому что подобные лекции больше не проводились: студенты не хотели их слушать, а преподаватели читать. Почему же «Американская философия» так потеряла в своем влиянии и интересе, что именно в самой Америке для нее возникла опасность оказаться в забвении? Может быть, причина этого кроется в уменьшении преувеличенной национальной гордости, а может быть, и в том факте, что прагматическое движение, составлявшее ядро этой философии, не получило достаточного развития после Дьюи (исключая неопрагматические тенденции у Апеля и Рорти). Время от времени обнаруживают (или изобретают) знаки возрождения классического прагматизма или успеха неопрагматизма. Но ностальгия по нему, как говорится,— не то, чем он был когда-то.

Ясно одно: классическая американская философия была вытеснена философией другого рода. Почти одновременно с развитием прагматизма в старом Свете начинают заниматься идеями Фреге и Рассела, Виттгенштейна и Венского кружка; возникает логический позитивизм и лингво-аналитическая философия. В большей или меньшей степени Новый Свет был от этого изолирован до тех пор, пока национал-социализм и вторая мировая война не вынудили многих видных мыслителей эмигрировать. Такие эмигранты, как Карнап и Рейхенбах, нашли в Америке благодатную почву и учеников — в лице Куайна; и аналитическая философия, называемая и сейчас англо-американской, промаршировала по философским учреждениям, как готское войско. И не только классическая американская философия, но и история философии, и марксизм, и процессуальная философия — все было оттеснено в тень.

Но в этой тени продолжали работать одинокие, но гениальные мыслители, в особенности кантианец — не неокантианец, не кантианец-прагматик, а истинный кантианец — Льюис Уайт Бек. И он чувствовал порой необходимость до некоторой степени приспособливаться к аналитическому духу времени и облекать «суждения» (Urteile) в «тезисы» (Sätze); однако его комментарии, его статьи и переводы заложили фундамент кантоведения сегодняшнего дня. Только и он остался бы в тени, если бы некоторые ведущие аналитики, возможно, от скуки, не начали заниматься мыслями Канта.

Питер Стросон (Strawson), несомненно, являлся виднейшим мировым философом-аналитиком, когда в 1959 году опубликовал свой находившийся под влиянием Канта «Individuals», после чего в 1966 году последовал его комментарий к Канту «Пре-

дела смысла». Теперь Кант казался достаточно важным, чтобы и Стросон нашел его достойным обсуждения. Правда, многие, работающие в этой традиции, придерживались иного мнения и писали целые книги о Канте, доказывая, что Кант не стоит никакой книги. (Наилучший пример: «Kant's Analytic» Джонатана Бенетта, шедевр надменности). Однако прежде чем обругать Канта, его нужно было предварительно извлечь из тени, а при свете дня он постепенно был признан тем, кем он и является на самом деле, а именно важнейшим мыслителем со времен Аристотеля, если не самым важным вообще.

Так в Новом Свете начался кантовский Ренессанс, продолжающийся и по сей день. Количество диссертаций, книг и статей, посвященных исключительно Канту, конгрессов и кантовских секций в рамках более общих конгрессов свидетельствует о силе идей Канта в Новом Свете. Этот процесс был поддержан и Старым Светом, и не в последнюю очередь большим международным влиянием «Kant-Studien» и Кантовского Общества под руководством проф. Герхарда Функе, чье сотрудничество с видными американскими кантианцами, например, с Л. Беком, много способствовало американскому кантовскому Ренессансу.

Этот Ренессанс давно назрел, поскольку можно, наконец, сказать: кантовские взгляды на Новый Свет получили ответ от самого Нового Света!

¹ Ak. IX. 234.

² Ak. I. 188; vgl. IX. 182 n.

³ Ak. I. 443—452, passim.

⁴ Ak. II. 11.

⁵ Ak. IX. 337.

⁶ Ak. IX. 434.

⁷ Borowski L. E., Jachmann R. B. und Wasianski E. A. Ch. Immanuel Kant: Sein Leben in Darstellungen von Zeitgenossen. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993. P. 135.

⁸ Malter Rudolf. Immanuel Kant in Rede und Gespräch. Hamburg: Felix Meiner, 1994. S. 136.

⁹ Jachmann R. Op. cit. S. 162.

¹⁰ Ibid. S. 146—147.

¹¹ Borowski L. Op. cit. S. 50.

¹² Klemme, Heiner F., Hg. Die Schule Immanuel Kants. Hamburg: Felix Meiner, 1994. S. 69f.

¹³ Zitiert von: H. J. Paton als Motto zu seinem Kant's Metaphysic of Experience. London: Allen & Unwin, 1936. Vol. 1. P. 13.

¹⁴ W. H. Werkmeister. A History of Philosophical Ideas in America. New York: Ronald Press, 1949. P. 171.

Перевод с немецкого Ю. А. Волкова.